

6. Романова А. П., Ермуханова Н. А. Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 1, ч. 1. С. 172–175.
7. Румянцев Т. Г. Апейрон // История философии. Минск, 2002.
8. Самутина О. С. Украина и Южный Кавказ: цивилизационные аспекты современных конфликтов на постсоветском пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4, т. 2. С. 39–42.
9. Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
10. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 364 с.
11. Христиане после Майдана: реакцию церквей на украинский конфликт изучает Оксана Куропаткина. Электронные данные. Режим доступа: http://xn--80aabqmfeoglcfn6p.xn--p1ai/about/news/news_1019.html, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус.
12. Якушenkova О. С. Трансгрессия как способ существования в условиях фронтальной гетеротопии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4. С. 262–267.

References

1. Andreeva A. A. Frontir kak kul'turno-istoricheskaya kategoriya. *Vestnik Maykovskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, vol. 3, pp. 11–15.
2. Babich D. Drama pravoslavnoy tserkvi na Ukraine: sovery i ob'yasneniya diplomatam. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Available at: <http://interaffairs.ru/read.php?item=11547>
3. Blansho M. Opyt-predel. *Tanatografiya erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
4. Pastyuk A. V. Frontiry kul'turno-tsivilizatsionnoy identichnosti prigranichnykh regionov Rossii i Ukrainy. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2015, vol. 4, part 2, pp. 437–440.
5. Pugacheva L. G. Fenomen granitsy kak osnovanie intentsional'nosti razuma i predmetnogo vospriyatiya real'nosti. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2009, vol. 2, pp. 36–41.
6. Romanova A. P., Ermukhanova N. A. Mezhekul'turnye kommunikatsii na etape rannego frontira na Kavkaze. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 1, part 1, pp. 172–175.
7. Rumiantsyev T. G. Apeyron. *Istoriya filosofii*. Minsk, 2002.
8. Samutina O. S. Ukraina i Yuzhnyy Kavkaz: tsivilizatsionnye aspekty sovremennykh konfliktov na postsovetском prostranstve. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 4, vol. 2, pp. 39–42.
9. Turner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoй istorii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2009, 304 p.
10. Фуко М. О трансгрессии. *Tanatografiya erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
11. *Khristiane posle Maydana: reaktsiyu tserkvey na ukrainskiy konflikt izuchaet Oksana Kuropatkina*. Available at: http://xn--80aabqmfeoglcfn6p.xn--p1ai/about/news/news_1019.html
12. Yakushenkova O. S. Transgressiya kak sposob sushchestvovaniya v usloviyakh frontirnoy geterotopii. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2013, no. 4, pp. 262–267.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ГЕТЕРОТОПИИ²⁰

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: culture_mar@mail.ru

Сегодня мир представляет собой динамичную, неустойчивую транскультурную структуру, объяснить которую возможно только с помощью понятия «гетеротопия», которая дает возможность нового взгляда на привычные культурные явления. Гетеротопное пространство – это не столько конкретное место, сколько диалектический способ его видения. Идея других культурных пространств, их вычленения, движения, протяженности внутри устоявшегося мира соответствует стратегии мультикультурализма. А это неизбежно выводит на поверхность дискурс «Свой – Чужой» с его многочисленными проблемами. Выявление конструктивных тенденций взаимоотношений с Чужим особенно актуально для принимающих стран в связи с процессом «гибридизации» культуры, когда последняя часто состоит из несовместимых частей, крайне нестабильных и противоречащих традиционному контексту. Практика взаимоотношений «Свой – Чужой» в гетеротопном пространстве проявляет себя как через призму деструктивности, так и конструктивности в силу неоднозначности самого феномена гетеротопии. Культурное многообразие – показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций, нередко приводящих само это общество на грань распада. Однако гетеротопические пространства способны вместить в себя то, что, по сути, не может иметь места в них. Если это происходит, то такое гетеротопное пространство имеет устойчивую структуру, которая на данный момент эффективна.

THE PROBLEMS OF CULTURAL INTERACTION IN THE CONDITIONS OF A MULTICULTURAL HETEROTOPY

²⁰ Выполнено при поддержке РФФИ проект № 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». (Was supported by the Russian Foundation for Humanities Project No. 15.03-00402 "Alien / Other in the changing world: from ontology to epistemology typology".)

Khlysheva Elena V., D.Sc. (Philosophy), Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: culture_mar@mail.ru

The modern world represents dynamic, unstable transcultural structure, explanation of which perhaps only by means of the concept "heterotopy" which gives the chance of a new view on the habitual cultural phenomena. The heterotopy space is not a concrete place, it is rather multiple opportunity of its vision. The idea of other cultural spaces, their exarticulations, movement, extent in the settled world corresponds with the strategy of multiculturalism. And it inevitably brings a discourse "the Our – the Stranger" with its numerous problems. Identification of constructive tendencies of relationship with the Stranger especially actually for host countries in connection with process of "hybridization" of culture when the last often consists of incompatible parts, the extremely unstable and contradicting a traditional context. Practice of relationship "the Our – the Stranger" in heterotopy space proves as through a disruptiveness prism, as a constructibility owing to ambiguity of the heterotopy phenomenon. The cultural diversity is an indicator of space heterotopy, which is unstable by the nature, and if higher degree of "diversity", that is more risks of the ethnoconflict situations which are quite often bringing this society on a disintegration side. However heterotopy spaces are capable to contain in themselves that, in fact, can't take place in them. If it occurs, such heterotopy space has steady structure which is at the moment effective.

Кардинальные изменения в социокультурной картине мира, связанные с процессами глобализации, возрастающими миграционными потоками, несущими свои культурные паттерны принимающим странам и, соответственно, возрастающая сложность ассимиляционных тенденций, постоянные изменения в социально-политической жизни, локальные войны на этноконфессиональной почве, постмодернистские тенденции осмысления действительности настоятельно требуют перемещения акцента социального бытия из плоскости социально-экономической в плоскость социокультурную. Четко обозначилась установка на презумпцию разрушения традиционных представлений о структуре как стабильно определенной, предлагающая радикальную альтернативу замкнутому и статичным линейным структурам с жесткой осевой ориентацией.

Динамичный, неустойчивый транскультурный и мультиконфессиональный мир предполагает культурный диалог, открытость, ориентацию на многообразие жизни. Этому соответствует мультикультурная стратегия перехода от политики «включения» индивидуальных и групповых различий в более широкие структуры к политике «признания» их права на существование в качестве «иных».

Сегодня уловить и обозначить новое отношение к пространству и миру возможно только через понятие «гетеротопия», которая, по сути, не представляет собой новое культурное явление, но дает возможность нового взгляда на привычные культурные явления. Гетеротопное пространство – это не столько конкретное место, сколько способ его видения, «субъективного ощущения и выделения среди общего пространства, как человеком, так и отдельной, локальной, «малой» культурой» [8, с. 62]. Идея других культурных пространств, их вычленения, движения, протяженности внутри устоявшегося мира соответствует стратегии мультикультурализма, которая определяется позицией государства, конкретным состоянием этнической среды, межэтнических отношений, правовых и политических притязаний этнических групп, коммуникационных стратегий, избираемых ими в отношениях между собой и институтами национальных государств. А это неизбежно выводит на поверхность дискурса «Свой – Чужой» с его многочисленными проблемами, замалчивать о которых уже невозможно. При этом сам вопрос о том, следует ли интегрировать Чужих в национальное большинство и если «да», то как это сделать, ведь человек должен быть свободен в выборе своей идентичности, независимо от природных и социальных условий, остается пока открытым.

Инстинктивное желание иммигрантов сохранить культурную самобытность способствует консервации многих культурных форм, что не коррелируется с быстроменяющимся постиндустриальным обществом. Еще серьезнее становится проблема нежелания иммигрантов принимать культурные установки своей новой родины. Невозможность же одновременного «вхождения» в принимающее общество и соблюдения исключительно «своих» этнокультурных традиций приводит к созданию изолированных сообществ, которые проявляют открытую (или скрытую) неприязнь к коренному населению.

Иными словами, действенных механизмов инкорпорирования приезжих в мультикультурном обществе нет. Более того, право быть Иным логически порождает неравенство, а льготы только стимулируют консервацию привычных образов поведения, но не нацеливают иммигрантов на их ликвидацию. Как следствие – происходит этнокультурное расслоение общества, этнизация социальных отношений и политизация повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «Своего» и «Чужого».

Предлагая отказ от одной общей культуры в пользу множества равноправных культур, мультикультурная модель постулирует новый качественный уровень культурного многообразия и умения сосуществовать с инокультурными группами, слоями, индивидами, уважение или терпимость к «инакости». Однако действительность показала утопичность такой модели, продемонстрировав «определенные пределы толерантности». На сегодняшний день вновь поднимается проблема интеграции, учитывающей динамику соотношения и изменения элементов, общего и особенного, при наличии сохранения равновесия между преемственностью и развитием нового.

Практика взаимоотношений «Свой – Чужой» в гетеротопном пространстве проявляет себя как через призму деструктивности, так и конструктивности в силу неоднозначности самого феномена гетеротопии. Однако культурное многообразие диктует необходимость выработки адекватных механизмов сосуществования.

Выявляя плюсы и минусы мультикультурных практик, мы находим возможные точки сосуществования, однако, как показывает опыт, любая адаптация иной культуры реализуется с помощью особых универсальных паттернов. Именно выявление этих тенденций может помочь не только решению проблем, связанных с сосуществованием «иного», но и выявить ряд законов функционирования культуры, так как вне

всякого сомнения концепт «Свой – Чужой» является культуuroобразующим, т.е. формирующим нашу культуру, ведь соприкосновение с другой культурой приводит нас в конечном итоге за пределы нормы.

Выявление конструктивных тенденций взаимоотношений с Чужим особенно актуально для принимающих стран в связи с ростом иммиграции и процессом «гибридизации» культуры, когда последняя часто состоит из несовместимых частей, крайне нестабильных и противоречащих традиционному контексту. Национальная идентичность предполагает в данном случае единство, достигаемое путем максимально возможного единообразия. Получался определенный парадокс, приведший в конечном итоге к появлению альтернативной концепции «культурного плюрализма», основу которой составляло представление об обществе как объединении этнических групп, сохраняющих отличительные черты.

Основой такого подхода являлась убежденность, что полное этническое, языковое, культурное, религиозное единообразие не обязательно для нормального функционирования общества и последнее только выиграет от сохранения культурного многообразия, что сделает общество более жизнеспособным. Но не все культурные меньшинства готовы меняться в той степени, как этого требуют социальная политика принимающего общества. Это вызывает сопротивление со стороны меньшинств и может привести к изоляции.

Культурное многообразие – показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций, нередко приводящих само это общество на грань распада. Неоднородность развития проявляется буквально во всем. Даже глобализация как процесс, захвативший современный мир, не является универсальной: в то время как одни народы глобализируются, другие находятся на ступени разъединения, представляя определенную стадию культурного развития. Поэтому глобализация и локализация – части одного целого и, развиваясь параллельно, взаимно укрепляются, хотя и не исключают серьезных противоречий.

Локализация глобальности отражает тенденцию становления глобального «не сверху, а снизу, то есть через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инациональных, экзотических локальных культур» [10, с. 34]. Это наглядно демонстрирует коммуникативный процесс Своего и Чужого, когда «глобальные и локальные тенденции взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [11, с. 25–30].

Процесс глобализации ведет к созданию единого транскультурного пространства, где сосуществуют различные явления культуры, оказывающие влияние друг на друга и на динамику этого пространства. Однако формирование транскультурного пространства – процесс длительный, динамика которого определяется логикой поэтапной универсализации формата культуры и появлением разнообразных модусов ее локального содержания. Культуры демократического общества должны быть космополитами, участвуя в культурном обмене, но «оставаясь глубоко привязанными к своим общинным корням» [9, с. 289].

Здесь встает важнейший из вопросов современности: в какой степени культуры должны быть привязаны к своим «общинным корням» и нужно ли это в принципе? Ведь согласно закону эволюционного развития традиции также подвержены изменению, в противном случае культура становится консервативной, не допускающей инноваций, что не способствует культурному диалогу, а значит ведет к изоляции и ослаблению. Между тем тенденции возвращения «к своим корням» в той или иной мере проявляются в любой культуре. Однако к этой проблеме нужно подходить очень осторожно и в каждом конкретном случае обосновывать, действительно ли провозглашаемые «корни» свои.

Ярким примером служит «русский проект», нацеливающий на достижение культурной гомогенизации и заключающийся в:

- «редукции культурного разнообразия российской жизни к некоему канону; его содержание остается расплывчатым, однако контуры его довольно четкие; их можно описать как «православно-государственные»;
- попытке семантической перезагрузки слова «русский»; ему надлежит вернуть сверхэтническое значение, которое оно, как предполагается, имело в империи Романовых» [5, с. 27].

В стране, где фактически каждый пятый россиянин принадлежит к какой-либо нерусской этнической группе и этническая принадлежность в большинстве случаев не формальна, а реально связана с культурной идентичностью, такая модель с ее практикой ассимиляции не может удовлетворять этнические меньшинства, и в первую очередь народы, для которых Россия является страной исконного проживания. Не достижимо это и по чисто демографическим причинам, так как даже в национально-территориальных объединениях титульные этнические группы чаще всего составляют менее половины населения. А, кроме того, такой вариант не выгоден с точки зрения экономического развития, так как приведет к оттоку квалифицированной рабочей силы. Немаловажно и то, что именно из этих регионов мигрирует значительная часть населения в поисках более приемлемых условий для жизни, а живущие в «русских» землях сородичи не слишком желают возвращаться в «свою» республику. В такой ситуации держаться за монокультурный идеал, «а именно за образ России как русско-православной страны означало бы проявлять чудовищную глухоту к реальности» [4, с. 56].

И тем не менее проект продолжает разрабатываться в самых разных формах. Так, на юге России (Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская обл.) в русле данного проекта очень активно идет «возрождение» казачества. В этом процессе наглядно отражаются тенденции шовинистического характера, которые не соответствуют действительным реалиям исторического развития. Никогда казачество на юге России не было монолитно православным, напротив, своеобразием астраханского казачества был его полиэтнический состав. Здесь были русские и поляки, калмыки и татары, малороссы. Астраханское казачество являло неплохой пример религиозной терпимости: православные, мусульмане, католики и даже старообрядцы. Казаки-калмыки, как правило, были крещеными, однако в повседневной жизни они стойко придерживались обычаев буддийской религии. Существовала даже иудейская секта, хотя проживание

евреев на территории Войска запрещалось. В общей сложности Войско около 30-ти лет возглавлялось тремя католиками и двумя лютеранами. Но, даже будучи различными по этническим и религиозным признакам, все казаки были объединены службой и взаимной экономической заинтересованностью.

Почему же сегодня астраханское казачество настаивает исключительно на православных традициях? Это проявляется во всех мероприятиях казачества и даже является требованием при поступлении и обучении в казачьем кадетском корпусе им. атамана И. А. Бирюкова, в котором основными целями являются «интеллектуальное, культурное и физическое развитие, а также духовно-нравственное воспитание кадет *в традициях православия*, их адаптация к жизни в обществе, создание основы для подготовки несовершеннолетних граждан к служению Отечеству на поприще государственной гражданской, военной, правоохранительной, муниципальной службы, а также несению государственной службы российского казачества» [1].

Иными словами, этнический ренессанс в Астраханском регионе базируется не на воссоздании исторических традиций, а на конструировании неких симулякров, плохо соотносимых с традиционными этническими паттернами. На деле подобная практика как раз и ведет не к укреплению межкультурного диалога, а к актуализации проблемы соотношения «Свой – Чужой», когда история начинает толковаться в интересах какой-либо отдельной этнокультурной группы, служащей опорой для поддержания определенных политических интересов.

Однако такие симулякры, как правило, недолговечны и не могут решить реальные проблемы, а только приводят к напряженности в отношениях этнокультурных групп, между которыми необходимо будет искать точки «соприкосновения», чтобы избежать «конфликта культур»: «...существует худший беспорядок, чем беспорядок неуместного и сближения несовместимого. Это беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков в лишенной закона и геометрии области гетероклитного; и надо уловить, что явления здесь “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно най-ти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других» [7, с. 34]. Однако гетеротопические пространства совмещают несовместимое, т.е. способны вместить в себя то, что, по сути, не может иметь места в них. Если это происходит, то такое гетеротопное пространство имеет «устойчивую структуру, которая на данный момент эффективна» [6].

Этнокультура, как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способна сохранить уникальность только в рамках диалога, и при условии опоры на общечеловеческие нравственные ценности, а именно: уважение себя и себе подобных, умение понять себя через других. Иными словами, речь идет о таком взаимодействии, которое, имея интегрирующие основания, не подменяется ассимиляцией. Каждая культура отстаивает свою идентичность, открываясь в то же время широкому внешнему заимствованию.

Когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями встает вопрос: до какой степени культурное многообразие можно считать приемлемым и относиться к нему терпимо? Требуется общее согласие не только относительно того, какие нормы поведения считать приемлемыми или обязательными в общественных местах, но и какие вопросы решаются на «местном» уровне, а какие являются прерогативой государства. Следует определить, например, на каком языке должны вестись публичные дискуссии, какие праздники признаются официально, к каким обычаям следует относиться толерантно, как человек должен выглядеть и вести себя на публике, а также очертить круг прав и обязанностей индивидов и сообществ.

Поскольку решить эти вопросы бывает непросто, культурное многообразие зачастую приводит к конфликтам. Ведь далеко не все культурные практики могут мирно сосуществовать на одной территории в едином социуме. У представителей этнокультурных групп существуют устоявшиеся мнения о том, что считать правильным и неправильным, хорошим и плохим, и потому они не готовы с легкостью изменить свое поведение и образ мысли.

Существует ли некий набор общих принципов, способных служить ориентиром для решения выше-названных проблем? Какими установками должно руководствоваться общество, где сосуществуют разнообразные культуры? Если человек, независимо от национальной принадлежности, ведет себя так, как принято в цивилизованном обществе, то и воспринимается он как «Свой». А если приезжий настойчиво отвергает ценности принимающей страны и настаивает на «своем» образе жизни, демонстрируя свою инаковость, то такой индивид (или группа) обречен на отчуждение.

Итак, современный мир зафиксировал пространственную гетеротопию, наглядно проявляющуюся в дихотомии «Свой – Чужой», но этого мало: нужно видеть, как эта «чуждость» преодолевается. В противном случае складывается ситуация «пассивного претерпевания» [2, с. 127], означающая отсутствие возможности активной реакции, что само по себе не конструктивно. Чтобы вернуть возможность активного воздействия, «необходимо вновь оказаться в истолкованном пространстве» [3, с. 89]. Чужое в интерпретации «лишается своего Жала, утрачивает природу сбоев» [3, с. 103]. Мультикультурализм попытался выработать механизм такой интерпретации. В каких-то странах это сработало (Австралия, Канада), где-то произошли сбои (Западная Европа). Но это не повод заклеить мультикультурализм как несостоятельный. Напротив, необходимо проанализировать эволюцию мультикультурной политики в условиях гетеротопии, выявить причины сбоев, найти конструктивные тенденции и попытаться сконструировать новый подход к решению насущной задачи культурного сосуществования.

Мы живем в мире культурного разнообразия. Это данность и с ней ничего не поделаешь. Значит надо находить способы, позволяющие сосуществовать различным культурам в одном социуме, и не просто терпеть друг друга, а конструктивно взаимодействовать.

Список литературы

1. Астраханский казачий кадетский корпус имени атамана И. А. Бирюкова. Электронные данные. Режим доступа: http://astrkazakkorpus.ru/Data/Pages/Items/Ob_organizacii.html, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
2. Вальденфельс Б. Мотив Чужого. Минск: Пропилей, 2009.
3. Вальденфельс Б. Топография Чужого. Киев: ИПС, 2004.
4. Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.
5. Малахов В. С. Почему в России нет мультикультурных исследований? // Вестник Института Кеннана в России. М., 2008. Вып. 13.
6. Подорога В. Событие: Бог мертв. Фуко и Ницше // Фридрих Ницше. Электронные данные. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
8. Шестакова Э. Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 58–72.
9. Kymlicka. Will Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. Print Queen's University, 2001.
10. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / M. Feartherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). London, 1995.
11. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 2002.

References

1. *Astrahanskij kazachij kadetskij korpus imeni atamana I. A. Birjukova*. Available at: http://astrkazakkorpus.ru/Data/Pages/Items/Ob_organizacii.html
2. Val'denfel's B. *Motiv Chuzhogo*. Minsk, Propilei Publ., 2009.
3. Val'denfel's B. *Topografija Chuzhogo*. Kiev, PPS Publ., 2004.
4. Malahov V. S. *Zachem Rossii mul'tikul'turalizm? Mul'tikul'turalizm i transformacija postsovetских obshchestv*. Moscow, Institut jetnologii i antropologii RAN Publ., 2002.
5. Malahov V. S. *Pochemu v Rossii net mul'tikul'turnyh issledovaniy? Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. Moscow, 2008, vol. 13.
6. Podoroga V. *Sobytie: Bog mertv. Fuko i Nicshe. Fridrih Nicshe*. Available at: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/>
7. Fuko M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk*. St. Petersburg, 1994.
8. Shestakova Je. G. *Geterotopija – rabochee ponjatие sovremennoj gumanitaristiki: literaturovedcheskij aspekt. Kritika i semiotika*, 2014, no. 1, pp. 58–72.
9. Kymlicka. *Will Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Queen's University, 2001.
10. Robertson R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. Global Modernities*. Ed. by M. Feartherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995.
11. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Sage Publ., 2002.

ОБРАЗ «СТРАННОГО» ДЕТЕКТИВА В ПАРАДИГМЕ «ЧУЖОЙ / ДРУГОЙ»²¹

Дзенеко Ольга Владимировна, аспирант, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: olgaginger20.05@gmail.com

В статье определено содержание понятия «детектив» и представлена модель описания образа «странного» детектива как узнаваемого типизированного персонажа в аспекте базовой социокультурной бинарной оппозиции «Свой – не-Свой», которая включает в себя инаковые характеристики внешнего облика, профессиональной деятельности, образа жизни, речевого портрета. Приводятся факторы, обуславливающие профессиональный успех «странного» детектива: 1) личностные качества: оригинальность мышления, эксцентричность, стремление к самореализации и успеху, индивидуализм и независимость; 2) гиперболизация самооценки его деятельности, поступков и личности вообще.

Ключевые слова: детектив, иной, другой, чужой, оценка, характеристика, странный, чудак, менталист, внешность, речевой портрет, поведение, профессионализм

THE IMAGE OF THE STRANGE DETECTIVE IN THE PARADIGM “FOREIGN/OTHER”

Dzhenenko Olga V., Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: olgaginger20.05@gmail.com

The article defines the concept of “Detective” and the image of a model describing a “strange” detective as a recognizable typed character in the aspect of the basic socio-cultural binary opposition “Own – non-own”, which includes otherness appearance, professional activity, way of life, and portrait speech characteristics. The factors determinating professional success of the “strange” detective are: 1) personal qualities, originality of thinking, eccentricity, the desire for self-realization and success, individualism and independence; 2) self-exaggeration of his activities, actions and personality in general.

²¹ Работа выполнена по проекту РГНФ 15-33-11172а (Ц) «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». (The work was designed by RHF 15-33-11172a (C) "Alien / Other in the changing world: from ontology to epistemology typology".)